*Л.П. Черникова**

Русский востоковед Вячеслав Пентковский (Пэнкоци)

АННОТАЦИЯ: Восстановление имён русских и советских востоковедов входит в задачи Института востоковедения РАН, особенно в год 200-летия российского востоковедения; сегодня мы узнаём имена тех, кто жил и работал вдали от родины, но для неё; многие приносящие родине пользу оставались в советское время безымянными героями, не требующими никаких наград и регалий. Таким человеком был востоковед В.И. Пентковский.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Вячеслав Пентковский, Пэнкоци, революция, востоковед, ИВ РАН.

Вячеслав Иванович Пентковский (1886–1968) в 1950-е годы работал в секторе Китая ИВ АН СССР, ныне ИВ РАН, где хранится его личное дело [I, 3]. В 2015 г. в Институт востоковедения РАН обратился Кирилл Панин[1] в связи с розыском сведений о репатриировавшемся в 1946 г. из Китая в СССР родственнике, ставшем сотрудником нашего института. Он предоставил нам информацию, которой располагал благодаря своим поискам и опросам близких и родных В.И. Пентковского; благодаря его помощи, интернет-источникам и архиву Института востоковедения РАН мы получили возможность рассказать об учёном-востоковеде Вячеславе Пентковском.

Детство и юность. В.И. Пентковский родился в семье польских дворян (родители оставили сына в возрасте одного года на воспитание тётке, предположительно, в связи с революционной деятельностью),

* Черникова Лариса Петровна, к.и.н., с.н.с., отдел Китая, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; E-mail: Larisa-che@mail.ru

© Черникова Л.П., 2019

[1] Панин-Пентковский К.В., юрист, независимый исследователь.

детство провёл в Севастополе. С детства мальчиком руководили два увлечения: море и авиация. С 8 лет он юнгой ходил в море, повидав множество морей. В 1909 г. (в возрасте 23 лет) В.И. Пентковский поступил в Практическую восточную академию Императорского общества востоковедения в С.-Петербурге[2]. Преддипломную практику В.И. Пентковский проходил в 1910–1911 гг. в Генеральном консульстве Российской империи в г. Тяньцзине [II, 34]. В семье родственников (Панин К.В.) бережно хранится «Нагрудный знак Практической Восточной академии» (знак офицера-переводчика восточных языков).

32

Амурскій Уѣздный Съѣздъ Крестьянскихъ Начальниковъ.

Зейская, д. 171, тел. 534).

Даниленко Фед. Фед., кол. сек., Крестьян. Нач. 1 уч., Предсѣдательствующій въ Съѣздѣ—Зейская ул., д. № 171, тел. 534.

Гаховичъ Алек. Павл., кол. сов., Крест. Нач 2 уч., замѣщающій мѣсто Предсѣдательствующаго въ Съѣздѣ—Графская ул., д. № 47, тел. 256.

Шашко Яковъ Никол., н. ч., Секретарь Съѣзда—Графская ул., д. № 44. тел. 534.

Смольяниновъ Павелъ Иванов., крестьянскій начальн. 3-го уч., н. ч. с. Александровское.

Кривоборскій Вас. Яков., крестьянскій начальн. 4-го уч., н. ч. с. Песчано-Озерское.

Добровидовъ Влад. Ник., завѣдывающій 5 крестьян. уч., кол. секр., Ст. Бурея, Амур. жел. д.

Клементовъ Вас. Вас., завѣдывающій 6 крестьянскимъ уч., губ. сек. —д. Тарбогатай.

Пентковскій Вячес. Иван., завѣд. 7 крестьян. уч., н. ч.—с. Мазаново.

Никишинъ Вас. Іоак., завѣд. 8 крестьян.

[2] По нашим расчётам, в этот период был заключён его первый брак с медсестрой Варварой Николаевной, в котором родилось двое детей (1911 и 1913 г. р.).

В 1914 г. он окончил Петроградское училище дальнего плавания в звании капитана судна. «Обучение его в качестве восточника-китаиста, — считает К. Панин, — и прохождение практики при консульстве Российской империи позволяют сделать предположение, что его способности к языкам и освоению сложной культуры юго-восточного региона, его умение мобилизовать все свои силы и знания для достижения поставленных целей, как и остальные качества его личности, были замечены службами царского правительства, которое было озабочено ситуацией на дальневосточных территориях после поражения в Русско-Японской войне 1904–1905 годов» [II, 17].

Годы на службе Империи. В 1912–1913 гг. он служил по линии Министерства путей сообщения на Балтике и на Амуре, командуя судами «Закат» и «Амур»[3]. За свою службу был поощрён медалью «В память 300-летия царствования дома Романовых». Работал он и преподавателем китайского языка Благовещенского речного училища. Знание китайского языка с этого времени и всю последующую жизнь будет кормить его и являться источником благосостояния.

С началом первой мировой войны, в 1914 г., В.И. Пентковский активно участвовал в государственных мобилизационных мероприятиях, за что получил медаль «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года». Далее он назначается управляющим переселенческими участками на реке Зее под Благовещенском, т. е. исполняет обязанности крестьянского (земского) начальника с обширными полномочиями [II, 35]. Действительно, на целых 15 лет Российская Империя усиливает административно-полицейский контроль (1902 — февраль 1917 гг.) над крестьянским самоуправлением. Именно в эти годы происходит введение института крестьянских начальников в Амурской и Приморской областях. На сельском сходе крестьяне избирали на трёхлетний срок главу общества — начальника (старосту, старшину), кандидатура которого утверждалась военным губернатором области [I, 7]. Согласно «Временному штату крестьянских установлений в Амурской и Приморской областях», на Приморскую область отводилось 10 крестьянских начальников, в должности не ниже VI разряда, с годовым содержанием 2200 руб., канцелярских расходов — 800 руб., на разъезды — 500 руб. [II, 27]. «Полученный административно-юридический опыт, — считает К.В. Панин, —

[3] Сведения с веб-сайта Амурского областного краеведческого музея им. Г.С. Новикова-Даурского: «Пентковский, Вячеслав Иванович; командир парохода „Амур“, восточник, штурман дальнего плавания, преподаватель китайского языка Благовещенского речного училища (1914)» [II, 17].

позволил ему впоследствии стать блестящим юристом и адвокатом» [II, 35].

В 1916–1917 гг. В.И. Пентковский служил на судах Амурской военной флотилии (в звании подпоручика по Адмиралтейству на должности командира посыльного судна «Пика», а затем — ротным командиром канонерской лодки «Орочанин»). Там он встретил Февральскую революцию и окунулся в революционные события того времени. Сам он отмечает, что после февраля 1917 г. (после получения новостей из Петрограда) «Благовещенский отряд Военно-Амурской военной флотилии, зимовавший в г. Благовещенске-на-Амуре, взбунтовался, арестовал большинство офицеров экипажа, избрал меня своим комиссаром и двинулся в город Благовещенск» [II, 10]. Он даже исполнял обязанности военного коменданта г. Благовещенска и командира гарнизона; навёл порядок в городе и окрестных районах, заменил старую полицию частями революционной милиции и освободил из тюрем политических заключённых (за что был награждён в июле 1917 г. Приказом военно-морского министра Временного правительства России почётным оружием — командирской шашкой) [II, 13].

Тогда же молодой революционер-февралист Пентковский направил рапорт от 12 июня 1917 г. с просьбой о командировании его в морскую офицерскую авиашколу, а по окончании её — «об отправке на фронт для борьбы за свободу Родины». «При сем присовокупляю, — пишет он, — что, кроме школы прапорщиков по Адмиралтейству в г. Ораниенбауме, окончил Восточную Академию и Петроградское училище дальнего плавания» [I, 6, л. 119].

Рапорт удовлетворили, и в звании лейтенанта военно-морского флота Вячеслав Иванович уехал в Ораниенбаум, в специальный учебно-сводный отряд гидроавиации. Тогда же как юнкер он получил «Знак Особого Комитета по усилению военно-воздушного флота России»[4]. В этот переломный для страны период его мировоззрение, вероятно, резко меняется[5]. После четырёхмесячного обучения в Орани-

---

[4] Впрочем, на просторах Сети встречаются и скептики, сомневающиеся в полном образовании Пентковского: «Пентковский Вячеслав Иванович... Прапорщик по адмиралтейству — 23.10.1916 г., подпоручик по Адмиралтейству — 11.04.1917 г.»; один из блогеров пишет: «в прапорщики попал из строевых унтер-офицеров. Закончил школу прапорщиков по адмиралтейству (выпуск 23.10.1916, со старшинством с 11.10.1916)» [Морские офицеры в разведке и контрразведке / URL: http://wap.kortic.borda.ru/?1-4-0-00000132-000–120-0]

[5] Как известно, одно из ключевых событий Февральской революции 1917 года — Ораниенбаумское восстание 27 февраля, во время которого школа прапорщиков присоединилась к колонне восставших города (1-я Ораниенба-

енбаумской школе прапорщиков (юнкеров) он приветствовал события Великой октябрьской социалистической революции, находясь в самой их гуще [II, 21].

Пентковский в числе других юнкеров провёл революционные дни 25–27 октября 1917 г. в Петрограде, позднее — возглавил Штаб сводного отряда Красной гвардии (матросов и солдат) Ораниенбаумского гарнизона; отражал наступление войск Керенского-Краснова на Петроград. Как писал очевидец, в событиях октября 1917 года приняли участие «около 2-х тысяч человек из школы прапорщиков Петергофа, Ораниенбаума и Гатчины» [II, 46]. К сожалению, даже очень подробная реконструкция событий октября 1917 г. В. Черняева [II, 45] ничуть не проливает свет на деятельность будущего востоковеда. Вероятно, с этих пор и надолго он становится твёрдым убеждённым патриотом, рассудив, что власть может быть в руках разных людей, а путь военного — быть защитником Родины[6].

Интересен также вопрос о том, когда В.И. Пентковским было принято решение связать свою жизнь с Китаем и вообще работать на советскую власть. По одной версии, он не захотел принимать участие в братоубийственной войне («избежал мобилизации в белую армию и бежал в Китай…»), не принимая сторону ни белых, ни красных («не пожелал участвовать в Гражданской войне, уехал на Дальний Восток»), решает переждать за границей какое-то время, а после вернуться на Родину [II, 36].

По другой версии, уже убеждённым революционером он «в конце 1918 г. оказывается в Харбине: бывший морской офицер и

умская ШП, 1-я, 2-я, 3-я Петергофские школы прапорщиков, мичманская школа, отделения конского запаса и другие части), которые направились в Петроград. 28 февраля (13 марта) около 8 часов колонна восставших, растянувшаяся на 20 км (около 60 тыс. человек с пулемётами, бронемашинами, артиллерией), вошла в Петроград. Приход войск из Ораниенбаума, Петергофа и Стрельны создал окончательный перевес военных сил восставших в Петрограде и содействовал закреплению победы Февральской революции.

[6] В сети мы нашли свидетельство о личном знакомстве некоего С. Пентковского с Ф.Э. Дзержинским, по поручению которого он курирует сектор Красная Горка — Ораниенбаум. «По указанию Ф.Э. Дзержинского деятели ЦИК групп СДКПиЛ С. Пентковский и Ю. Лещинский вместе с солдатами Кексгольмского полка взяли под контроль центральный телеграф». [Октябрьская революция 1917 г. и её значение // URL: http://www.histmania.ru/istorias–1030–1.html]. Однако после тщательной проверки оказалось, что данный эпизод не имел отношения к нашему герою. В публикации об С. Пентковском допущена опечатка: речь шла о действительно убеждённом революционере с большим стажем, каторжанине-подпольщике С. Пестковском.

студент юридического факультета (?) принимает китайское подданство, открывает собственную юридическую контору в Харбине и, позднее, — в Шанхае» [II, 35].

По третьей версии, обосновавшись в Китае, он сам предлагает советским спецслужбам свои услуги, нелегально работая на советскую разведку. «Эмигрировал в Китай. В 1924 г. разведывательными службами НКВД СССР он был привлечён к агентурной работе, более 20 лет передавал ценные сведения». Все три версии в разных комбинациях изложены в работах К.В. Панина.

«В марте 1918 г., — пишет К.В. Панин, — В.И. Пентковский выезжает в г. Благовещенск. С этого времени жизнь его будет связана не только с востоковедением и Китаем, но и с вопросами обеспечения государственной безопасности России» [II, 35]. Отныне свидетельства о его жизни становятся фрагментарными и потому более интригующими. Ранее мы считали, что, вероятно, с отъездом в Китай связь с семьёй стала невозможной, а встречи — весьма редкими (если вообще были возможны хотя бы редкие поездки на родину)[7] [II, 41]. Наши сомнения относительно связи с родиной и семьёй развеял К.В. Панин: «Официально они с женой не разводились. Его первая супруга в 1925 г. подала на развод с ним заочно [для того времени это было весьма распространённым явлением[8]], т. к. он числился „белоэмигрантом“» [II, 11].

Жизнь и деятельность в Харбине. В этот период В.И. Пентковский, увлечённый местной историей, изучает Маньчжурию и Монголию; «он совершает многочисленные научные экспедиции по северным районам Китая» (возможно, это утверждение связано со знакомством с трудами известных маньчжурских археологов и этнографов В.В. Поносовым[9] [I, 4. Л. 1–13; II, 19] и Шкуркиным[10]),

---

[7] Герой романа Юлиана Семёнова разведчик Исаев-Штирлиц по сюжету 20 лет жил в Германии вдали от семьи; не забудем, что автор романов об Исаеве, как известно, работал с документами архивов КГБ по Китаю (Маньчжурии) (см.: [II, 41]).

[8] В советских и эмигрантских газетах 1920-х гг. часто встречаются объявления о разводе «в связи с утерей связи с бывшим мужем/ женой»; после такой публикации, если никто не откликался на него, — брак считался расторгнутым.

[9] Поносов В.В. (1899, Уфа — 1975, Австралия) — археолог, этнограф, исследователь Маньчжурии и Монголии. В эмиграции с 1923 г., сотрудник-этнограф музея Общества изучения Маньчжурского края (1926–1935), с 1936–1938 гг. служил в Континентальном институте при ведомстве Госсовета Маньчжоу-Го (Харбин). С 1939 г. — зав. музеем Континентального института; начальник Организации пржевальцев и член президиума Клуба естествознания и географии в Харбине.

«собирает ценнейшую коллекцию артефактов, предметов старины и рукописей» [II, 35]. Безусловно, любые теоретические знания, полученные на учебной скамье (Восточной академии, например), требуют практического освоения. Уже тогда стало ясно, что полученного Пентковским образования не хватает. Нужно было «расширять кругозор» в китайских реалиях, что в ближайшем будущем привело его в Харбинский политехнический институт. По мнению биографа К.В. Панина, тогда он «вёл активную научную работу по изучению истории тангутов», — но с этим утверждением мы пока не можем согласиться, хотя он утверждает, что «про тангутов и экспедиции во „Внутреннюю Монголию“ он сам рассказывал своей внучке Юлии»[11] [II, 40].

Вырезка из газеты 1923 г. Из семейного архива К.В. Панина

В Харбине В.И. Пентковский устроился на работу в качестве драгомана китайского суда. «Особый человек» Пентковский, на наш

---

[10] Шкуркин П.В. (1868–1943) — талантливый востоковед, литератор и этнограф, один из основателей ОРО (Общества русских ориенталистов) и автор многих работ о Китае, увидевших свет на страницах «Вестника Азии».

[11] Из личной переписки с К.В. Паниным, декабрь 2017. Известный современный тангутовед С.В. Дмитриев считает, что «может быть, он контактировал с Ивановым, который в 1920-е гг. был главным переводчиком в советском посольстве — отсюда и разговоры. Но, насколько мне известно, никаких публикаций про тангутов с этим именем не существует» (из личной переписки с С.В. Дмитриевым, январь 2018).

взгляд, вряд ли стремился к публичности, поскольку русская белогвардейская контрразведка в Китае работала на достаточно высоком уровне и провал такого резидента грозил бы большими бедами для советской стороны[12] [II, 18]. Кадры тогда «решали всё»: специалистов со знанием местных реалий, знатоков языка и культуры с революционным мировоззрением было чрезвычайно мало. Как переводчик суда и человек, связанный с юриспруденцией, В.И. Пентковский имел связи среди работников китайской полиции, жандармерии, суда.

Постепенно он приобрёл влияние в различных слоях китайского общества, а также среди представителей иностранных колоний — политических деятелей, дипломатов, представителей Русской духовной миссии. В Харбине он открыл юридическую контору, занимался активной юридической практикой, предоставлял переводческие услуги русской диаспоре города и по всей полосе отчуждения КВЖД. Для окружающих он — блестящий морской офицер, эмигрант, уехавший из России от ужасов гражданской войны, учёный, светский человек, ведущий активную жизнь в среде харбинского общества (в частности, он принимал в своём доме на берегу Сунгари труппу Малого театра во время ее гастролей в Харбине в 1923 г.) [II, 35, с. 65.]. С годами к Пентковскому пришла известность и в русских эмигрантских деловых кругах.

В начале 1920-х гг. он получил китайское гражданство, взял фамилию *Пэнкоци* (кит. имя Пэн Ко-цзи 彭闊吉). После заключения советско-китайского Соглашения от 31.05.1924 г. во всех городах, где ранее были открыты представительства Российской империи (были упразднены в 1920 г.) [II, 42], — теперь утверждены представительства советские. С июля 1924 г. он принят на работу официальным юрисконсультом Генконсульства СССР в Харбине, а также «предлагает ИНО ОГПУ СССР свои услуги в качестве организатора советской развед. группы», — пишет А.И. Колпакиди [II, 36]. «В 1924 году он сам предложил свои услуги советской разведке, и с этого момента Пентковский и его жена Анна Филипповна Трухина самоотверженно выполняли порученные им задания. Будучи выпускником Петроградской практической восточной академии и юридического факультета университета, а также обладая способностями к языкам, Пентковский смог получить китайское гражданство и даже устроиться на работу в суд города Харбина чиновником» [II, 36].

---

[12] В частности, «сохранились документы Василия Мусиенко…: тетради с записями об эмигрантах, имевших контакты с советскими учреждениями и организациями» [II. 18].

Фото второй жены Юкки китайского периода (Анны Филипповны Трухиной). Из собрания Л.Л. Коптеловой

«Харбинский период его деятельности высоко ценил Наум Эйтингон, — пишет А.И. Колпакиди. — Прибыв в Харбин, Эйтингон принял на связь ряд ценных источников, одним из которых был бывший офицер Амурской флотилии Вячеслав Пентковский, с 1924 г. работавший вместе с женой на советскую разведку. Свободно владея китайским языком, Пентковский получил гражданство Поднебесной и поступил на службу в Харбинский суд, где имел доступ к важной информации» [II, 7]. К.В. Панин передаёт о второй супруге следующие сведения: «Анна Филипповна Трухина (Юкка) — родилась и

жила в Благовещенске, в семье казаков-полукровок. Её отец владел торговыми судами на Амуре. С В.И. она впервые встретилась в 1916 г. и в 1918 уехала с ним в Китай» [II, 11].

В книге В. Усова «Советская разведка в Китае» упоминания имени Пентковского нет, однако есть документальные свидетельства организации советской резидентуры в Китае. В частности, он пишет, что «в декабре 1921 г. новым начальником ИНО назначается Михаил (Меер) Абрамович Трилиссер (1883–1940). В архивном деле Трилиссера имеется его записка (май 1922 г.) о целях и задачах возглавляемого им подразделения.

„Вся разведывательная работа в иностранных государствах, — говорилось в ней, — должна проводиться с целью: установления на территории каждого государства контрреволюционных групп, ведущих деятельность против РСФСР; тщательного разведывания всех организаций, занимающихся шпионажем против нашей страны; добывания документальных материалов по всем указанным направлениям работы…“. „…Резидент, — писал далее Трилиссер, — должен оказывать полное содействие полпреду в работе… Одновременно резидент вправе требовать от полпреда такого же содействия в работе, особенно в целях обеспечения конспирации, использования средств связи и передачи поступающих из ИНО ГПУ денежных средств“» [II, 33].

При формировании штатов «Трилиссер обращал особое внимание на оперативную подготовку кадров, знание иностранных языков, умение работать с агентурой и приспосабливаться к быстро меняющимся условиям. Он пригласил некоторых своих старых соратников по подпольной работе в Сибири и Приморье для работы в ИНО. Его заместителем стал С.Г. Вележев — бывший начальник разведупра комвойск в Сибири, ответственными работниками отдела — Я. Минскер, А. Нейман, А. Мюллер, проводившие в своё время разведывательные операции в Маньчжурии» [II, 43, с. 53–54].

«В 1922 г., — пишет В. Усов, — иностранный отдел — внешняя разведка — вошёл в состав сформированного ОГПУ Секретно-оперативного управления и стал называться ИНО СОУ ОГПУ. Его расширили и укрепили личным составом, достигавшим 70 человек. Было выработано и Положение об ИНО, определявшее задачи внешней разведки: выявление на территории иностранных государств контрреволюционных организаций, ведущих подрывную деятельность против СССР; установление за рубежом правительственных и частных организаций, занимающихся военным, политическим и экономическим шпионажем; освещение политической линии каждого государства и его правительства по основным вопросам междуна-

родной политики, выявление их намерений в отношении России, получение сведений об их экономическом положении; добывание документальных материалов по всем направлениям работы, в том числе таких материалов, которые могли бы быть использованы для компрометации как лидеров контрреволюционных групп, так и целых организаций; контрразведывательное обеспечение советских учреждений и граждан за границей» [II, 2, с. 11].

«Для решения этих задач, — пишет далее В. Усов, — было создано шесть географических секторов, которые и должны были заниматься агентурной работой за рубежом. Впоследствии они стали называться отделениями, и число их увеличивалось по мере роста количества резидентур, расширения географических рамок работы и появления новых направлений деятельности разведки. К 1930 г. общий штат ИНО возрос до 122 человек, из них 62 — сотрудники резидентур за рубежом» [II, 43, с. 53–54].

В 1924 г. резидентуру ИНО в Харбине возглавил Ф.Я. Карин[13], а его помощником был назначен В.М. Зарубин[14] [II, 20]. «Ещё одним каналом получения информации о планах Японии, — пишет А.И. Колпакиди, — стала почта, куда были внедрены несколько агентов. С их помощью японская корреспонденция изымалась, вскрывалась, а её содержимое фотографировалось. Вскоре в связи с увеличением объёма добываемых материалов в Харбин из Москвы прибыли два учёных-япониста, которые на месте просматривали документы и отбирали самые важные из них. Отобранные документы переснимались, после чего конверты тщательно запечатывались и отправлялись к адресатам. На основании анализа материалов, добытых резидентурой путём перлюстрации японской почты, Ф.Я. Карин в 1925 году направил в Центр доклад, в котором, в частности, говорилось: «Японская военная клика, несомненно отражающая планы своего командования, чрезвычайно наглеет и мечтает о войне с Россией. С правой стороны письма на снимке отчётливо видна чёрная черта. На подлиннике эта черта красная. Важно учесть, что японцы ставят подобную черту только в самых исключительных случаях, когда доверяют бумаге сокровеннейшие свои мысли» [II, 25].

Характеризуя организацию нашей разведки в Китае по материалам А.И. Колпакиди, можно сослаться на доклад Ф.Я. Карина начальнику ИНО ОГПУ М. Трилиссеру, направленный в Центр в 1925 г.:

---

[13] Карин Фёдор Яковлевич (1896–21.08.1937), корпусной комиссар, выдающийся советский разведчик (работал на Западе и Востоке).

[14] Зарубин Василий Михайлович (22.01/3.02.1894–1972), генерал-майор (1945), выдающийся советский разведчик.

«Резидентура ИНО ОГПУ в Северной Маньчжурии с центром в Харбине… ведёт регулярную и систематическую работу по перлюстрации дипломатических и других секретных почт целого ряда японских учреждений. Японский Генеральный штаб, военные японские миссии в Китае, японские армии: в Квантунской области (Порт-Артур), Корее (Сеул), Китае (Тяньцзинь) и другие вошли в сферу действия нашей разведки» [II, 26].

«Используя служебное положение, — пишет А.И. Колпакиди, — он [Пентковский] не только передавал сотрудникам [советской] резидентуры важную информацию, но и в 1929 г. спас от смерти арестованного китайского генерала, также работавшего на советскую разведку. Однажды, получив доступ к следственным делам, Пентковский заменил изъятые при обыске агентурные сообщения от русских эмигрантов на любовную переписку, взятую из архива. Сами же сообщения были переданы им в резидентуру» [II, 36].

«В 1927 г., — писал также В.С. Антонов, — харбинской резидентурой под руководством Эйтингона был завербован бывший офицер-каппелевец и полковник китайской армии, член террористической белогвардейской организации „Братство русской правды“, который получил оперативный псевдоним „Браун“. От него на постоянной основе поступала информация о положении в белогвардейских эмигрантских организациях, а также о попытках японцев сформировать при помощи атамана Семёнова казачьи части, которые они намеревались использовать в будущей войне Японии против СССР. В 1928 г. Наум Эйтингон получил секретную информацию о переговорах мукденского милитариста Чжан Сюэляна с японцами о создании в Северо-Восточном Китае независимой Маньчжурской республики под протекторатом Японии, которая должна была включать в себя как саму Маньчжурию, так и Внутреннюю и Внешнюю Монголию. Между тем активность резидентуры ОГПУ в Харбине не осталась незамеченной местными властями. 27 мая 1929 г. был произведён налёт на советское Генеральное консульство. Наум Эйтингон был отозван в Москву. В результате провокаций китайских властей советское правительство 17 июля 1929 г. заявило о разрыве дипломатических отношений с Китаем. В результате все „легальные“ резидентуры ОГПУ в Китае временно прекратили свою работу. Разведка с территории Китая стала вестись с нелегальных позиций» [II, 3].

Вот здесь и понадобились люди, подобные Пентковскому. «В 1929 году, — пишет В.С. Антонов, — резидентура (через ещё одного источника „Осипова“) довела до японцев документы, что 20 их активных агентов из числа русских военных эмигрантов якобы подали

заявление о восстановлении их в советском гражданстве. В результате этой дезинформационной акции все они были ликвидированы японцами» [II, 3].

Зададимся вопросом, чем мог заниматься советский резидент в Китае? Повседневность была прозаичной, с китайской архаикой первой половины XX в. и — более чем опасной (вокруг — бывшие соотечественники, антисоветские группы и вояки-реваншисты белогвардейцы). Поэтому резидент нуждался в прикрытии (подборе особых занятий): увлечении сбором антиквариата, китайскими древностями (благо, экзотики было пруд пруди), произведениями искусства, слыть знатоком восточного оружия, картин, рукописей, редких экземпляров прикладного искусства, считаться приверженцем различных модных увлечений того времени: философии, эзотерики, беллетристики, выказывать себя заядлым театралом и т. д. Человеку образованному и много чего повидавшему это было под силу. Так, в воспоминаниях семьи есть эпизод (относящийся к послевоенному возвращению из Китая), когда В.И. Пентковский, уже в СССР общаясь с внучкой, «учил понимать девочку театр и музеи», видимо, хорошо разбираясь в природе этих вещей [II, 11]. В семейных преданиях имеется также упоминание о том, что Пентковский был прекрасным знатоком карточных игр. «Как-то в Харбине он выиграл в карты две уникальные чашки семьи Романовых из сервиза Александра III». Сами артефакты разыскать не удалось, но факт интересный [II, 11]. Уникальность В.И. Пентковского в том, что он также нашёл для себя более земное и сложное занятие — стал знатоком китайской юриспруденции, особенностей китайского права, его традиций и модернизаций.

Биограф К.В. Панин отмечает, что В.И. Пентковский «глубоко изучал юридическую систему Китая». Действительно, русские и советские граждане в Китае остро нуждались в помощи юристов-специалистов по китайскому законодательству, в практике его применения. «В короткий срок, — пишет К.В. Панин, — он достигает высоких результатов на этом поприще, не только заслужив должность официального драгомана (переводчика) Харбинского суда (с 1922 г. — *Л.Ч.*), но и осуществив полный перевод на русский язык (с комментариями) Уголовного кодекса Китайской республики (материальной и процессуальной части, 1929–1930), Гражданского кодекса Китайской Республики (материальной и процессуальной части, 1930–1931)» [II, 35, с. 65].

Параллельно с деятельностью в суде он учился на восточном отделении юридического факультета Харбинского политехнического

института[15] [II, 11], учёба завершилась защитой диплома со специализацией «по китайскому законодательству и коммерции» (1933). На юридическом факультете ХПИ, кроме специальных предметов учебной программы, проводились научно-практические конференции

ГОДЪ ИЗДАНІЯ X-й.

№ 46.

Вѣстникъ Азіи.

ИЗВѢСТІЯ О-ва Русскихъ Оріенталистовъ. — ХАРБИНЪ.

BULLETIN Of the Russian Orientalists' Society. — HARBIN.

Выпускъ 2 1918 г.

Д-ръ Междунар. права Дзю. ПОЛОЖЕНІЕ ИНОСТРАНЦЕВЪ ВЪ КИТАѢ

THE LEGAL OBLIGATIONS ARISING OUT OF TREATY RELATIONS BETWEEN CHINA AND OTHER STATES.

By M. T. Z. TYAU.

Translated from English to Russian by Sofiklov.

ХАРБИНЪ.

Типографія Китайской Восточной желѣзной дороги.

1918.

по актуальной правовой тематике, издавались «Известия Юридического факультета» (с 1925 по 1938) [II, 16], где исторические исследования печатались наряду с учебной тематикой изучаемого права. Например, о материальном и процессуальном праве Китая, о дипломатических отношениях с Россией, по истории взаимоотношений обеих стран, давались рекомендации практикующим юристам, которые хотели больше знать и понимать правовую систему Китая, главное —

[15] С 1923 г. в преподавание вводился краеведческий уклон и элементы востоковедения — преподавание китайского права: государственного и административного, гражданского права и процесса, уголовного права и процесса и торгового права. После восстановления связей с СССР в учебную программу вуза вошёл цикл дисциплин по советскому праву. После марта 1929 г. китайская администрация решила поделить факультет на русскую и китайскую части. Тогда сформировали 1-й курс китайского экономического отделения.

здесь можно было найти фундаментальные исследования для неофитов и тех, кто хорошо изучил эту специальность.

В «Известиях Юридического факультета» печатались серьёзные труды историка и экономиста Г.К. Гинса. Например, это были статьи по этическим проблемам современного ему Китая, его труды по истории, экономике, политическому строю страны [II, 5]. Ещё один известный юрист В.В. Энгельфельд также публиковал в «Известиях…» свои работы по проблемам Китая, юридическому положению иностранных концессий в стране, о китайском парламенте и парламентаризме, о новых течениях в административном праве, о русско-китайских отношениях XVI–XVIII вв. [II, 47]. Проблемам систематики административного права уделял внимание А.И. Одарченко [II, 30], а знаменитый юрист и блестящий оратор Миролюбов Н.И.[16] [II, 23] издавал работы по китайскому кодексу полицейских правонарушений, новому уголовному Уложению Китайской Республики и другие труды [II, 29].

Кроме перечисленного издавались юридические и историко-правовые работы в таких печатных изданиях, как «Вестник Маньчжурии», «Вестник Азии», «Труды Общества изучения Маньчжурского края» и другие. Русских юристов интересовала организация судопроизводства и процессуальные нормы в Китае, земельное право, китайское акционерное право, смешанные суды (действовавшие в отношении иностранцев, когда одновременно применялись нормы китайского и зарубежного права), международные договоры, касающиеся Маньчжурии, таможенные тарифы, вопросы о применении советских законов в китайских судах, как работает гражданское право Китая, его основные институты и многое другое [II, 1].

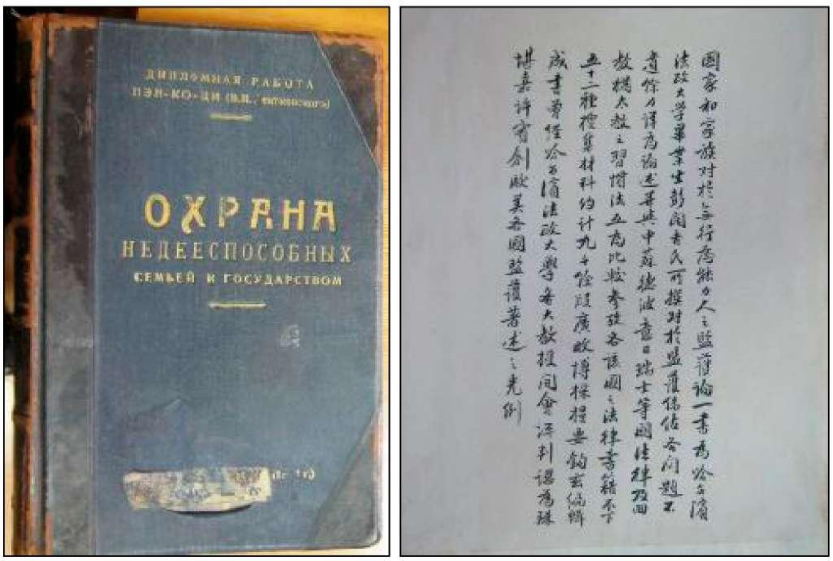
Итак, в 1933 г. В.И. Пентковский блестяще защитил Диплом Первой степени по редкой по тем временам теме «Охрана НЕТРУДОСПОСОБНЫХ и НЕДЕЕСПОСОБНЫХ Семьёй и Государством. (Из истории права и обзор мировых практик разрешения вопроса)».

Защита столь необычного диплома не могла пройти незамеченной общественностью и прессой. Судя по вырезкам из харбинских газет, сохранившихся в личном экземпляре диплома Пентковского, защита вызвала резонанс в русской прессе и справедливую гордость университетских профессоров [II, 16]. Все публикации сходного содержания, с небольшими расхождениями. Газета «Гун-бао» писала:

---

[16] Миролюбов Н.И. — русский юрист и правовед. Декан юридического факультета в Харбине с осени 1920 по осень 1924 года. Именно при нём 8 июля 1922 г. высшие экономико-юридические курсы были переформированы в юридический факультет.

«*Дипломные работы студентов Юрфака*. 21 мая с.г. при русском Юридическом факультете О.Р. началась сессия государственной испытательной комиссии, закончившаяся 9-го июня. Удостоены дипломов первой степени нижеследующие предоставившие испытательные сочинения в 1931 г.: … Пен Ко-ци (Пентковский В.И.) обширная работа „Охрана НЕТРУДОСПОСОБНЫХ и НЕДЕЕСПОСОБНЫХ Семьёй и Государством“. Между прочим, последняя дипломная работа является блестящей и выделяется из числа испытательных сочинений как богатой эрудицией в области права, так и огромным наличием фактического материала…” («Гун-бао», № 2012. Среда, 14 июня 1933 г.).



Диплом В.И. Пентковского с изложением резюме на китайском языке. Харбин, 1933. Из архива биографа К.В. Панина

Приведём здесь содержание нескольких заметок, поскольку они дополняют информацию как о диссертанте, так и о методах его работы, общем подходе к делу. «*25 новых юристов, экономистов и восточников*. Закончилась начавшаяся с 21 мая очередная сессия государственной испытательной комиссии при Юридическом факультете, — писала „Заря“. — 11 сессия проходила как обычно под председательством проф. В.А. Рязановского, который недавно был избран членом-корреспондентом Института законоведения в Риме, на основании его последних работ по монгольскому праву. Испытатель-

ная комиссия рассмотрела 5 работ окончивших Юридический факультет в прошлом и позапрошлом годах, и на основании этого удостоила дипломами 1 степени: …. В.И. Пен-Коци за обширный труд “Охрана НЕТРУДОСПОСОБНЫХ и НЕДЕЕСПОСОБНЫХ Семьёй и Государством“» [II, 31].

ЗАРЯ ВТОРНИК, 13 іюня 1933 года. № 157.

„Охрана недѣеспособных семьей и государством“.

Блестящая дипломная работа В. И. Пен Ко-ци.

На послѣдней сессіи испытательной комиссіи при Юридическом факультетѣ была подвергнута разсмотрѣнію дипломная работа В. И. Пен Ко-ци, окончившаго в прошлом году факультет с правом на диплом первой степени, на тему «Охрана недѣеспособности семьей и государством».

В своем заключеніи о дипломной работѣ В. И. Пен Ко-ци предсѣдатель испытательной комиссіи проф. В. А. Рязановскій прежде всего отмѣтил богатство фактическаго матеріала.

Автор продѣлал колоссальную работу по ознакомленію, часто в подлинникѣ, с законодательствами ряда стран по вопросу недѣеспособных.

В работѣ сдѣлано сопоставленіе норм прав швейцарскаго, германскаго, итальянскаго, польскаго, совѣтскаго и гражданскаго кодекса Россіи, новшедшаго в силу вслѣдствіе революціи, а также японскаго и китайскаго.

Кромѣ того матеріалом для работы послужили также мусульманское обычное право и сярейское.

В обработкѣ этого матеріала для автора встрѣтилось еще и то затрудненіе, что на русском языкѣ нѣт приближающагося по темѣ труда и очень мало удѣлили вниманія этой серьезнѣйшей проблемѣ и западно-европейскіе ученые.

Однако, как говорит проф. Рязановскій, автор блестяще справился с задачей и продемонстрировал в своей работѣ не только большую эрудицію в области охраны недѣеспособных, но и большія практическія познанія, в особенности — китайскаго права.

Эти качества работы надо отнести к тому, что В. И. Пен Ко-ци, в качествѣ старшаго дрегмана мѣстнаго суда в теченіи 12 лѣт имѣл непосредственное отношеніе к работѣ опекунскаго присутствія, а также к тому обстоятельству, что автор является ученым востоковѣдом, — он окончил курс Восточной Академіи.

Наконец, в работѣ нашел его браженіе и богатый жизненный опыт автора, который занимал самые различные посты в своей богатой служебной карьерѣ, так как кромѣ двух высших учебных заведений им были окончены курсы еще 3 специальных учебных заведений.

Все это вмѣстѣ взятое, по заключенію проф. Рязановскаго выдвинуло дипломную работу В. И. Пен Ко-ци из ряда обычных сочиненій подобнаго рода, почему она и получила полное одобреніе.

Тѣм самым теперь В. И. Пен Ко-ци получил званіе кандидата прав, а по западно-европейской терминологіи — доктора прав.

В Харбин ѣдет министр Щедрый дар.

Охрана недееспособных семьёй и государством // Заря, № 157. Вторник, 13 июня 1933 г. (Вырезки из харбинских газет; вклеены на внутреннюю обложку диплома)

В другом номере этой газеты — ещё более полная статья, целиком посвящённая дипломной работе В.И. Пентковского: «„Охрана недееспособных семьёй и государством“. Блестящая дипломная работа В.И. Пен Ко-ци“, … окончившего в прошлом году факультет с правом на диплом первой степени…, была рассмотрена испытательной комиссией. В своём заключении о дипломной работе В.И. Пен Ко-ци председатель испытательной комиссии проф. В.А. Рязановский, прежде всего, отметил богатство фактического материала. Автор проделал колоссальную работу по ознакомлению, часто в подлиннике, с

законодательством ряда стран по вопросу о недееспособных. В работе сделано сопоставление норм прав швейцарского, германского, итальянского, польского, советского и гражданского кодекса России, не вошедшего в силу вследствие революции, а также японского и китайского. Кроме того, материалом для работы послужили также мусульманское обычное право и еврейское. В обработке этого материала для автора встретилось ещё и то затруднение, что на русском языке нет приближающегося по теме труда и очень мало уделили внимания этой серьёзнейшей проблеме и западноевропейские учёные. Однако, как говорит проф. Рязановский, автор блестяще справился с задачей и продемонстрировал в своей работе не только большую эрудицию в области охраны недееспособных, но и большие практические познания, в особенности — китайского права. Эти качества работы надо отнести к тому, что В.И. Пен Ко-ци в качестве старшего драгомана местного суда в течение 12 лет имел непосредственное отношение к работе опекунского присутствия, а также и тому обстоятельству, что автор является учёным-востоковедом, — он окончил курс Восточной академии.

Наконец, в работе нашёл отображение и богатый жизненный опыт автора, который занимал самые различные посты в своей богатой служебной карьере, так как прежде двух высших заведений им были окончены ещё три специальных учебных заведения. Всё это вместе взятое, по заключению проф. Рязановского, выдвинуло дипломную работу В.И. Пен Ко-ци из ряда обычных сочинений подобного рода, почему она и получила полное одобрение. Тем самым теперь В.И. Пен Ко-ци получил звание кандидата прав, а по западноевропейской терминологии — доктора прав» [II, 4].

Газета «Харбинское время» также дала полный отзыв комиссии В.А. Рязановского о защищённой работе: «*Диссертация Пен Ко-ци.* … „Настоящий труд выходит из рамок дипломных работ и признаётся абсолютно охватывающим все вопросы юрисдикции. Автор этого труда практически проработал эти вопросы и прекрасно изложил их в своём труде. Это даёт ему звание кандидата прав и обеспечивает дальнейшую карьеру. В настоящее время за границей В.И. Пен Ко-ци был бы удостоен за свой труд званием доктора прав“… Диссертант, В.И. Пен Ко-ци хорошо известен многим харбинцам. Он окончил Восточную академию, и кроме того два высших и три специальных учебных заведения. По вопросу о работе над своей диссертацией, В.И. Пен Ко-ци сделал сотруднику „Харбинского Времени“ следующее заявление. „Ни одно законодательство не является совершенным. На практике иногда приходится сталкиваться с такими случаями, которые не предусмотрены ни в законодательстве, ни в сенатской прак-

тике. В силу этих соображений, у меня явилась мысль объединить законодательства и выбрать из них самое существенное. Мною были взяты законодательства Швейцарское, Германское, Итальянское, Польское, Советское, старое русское гражданское уложение, неизданное ещё пока, японское, китайское и, ввиду того, что здесь живёт более трёх с половиной миллионов мусульманского и еврейского населения, — то были взяты ещё мусульманское и еврейское обычное право, что до сих пор никем ещё не делалось.

В институте опеки, в институте попечительства и в институте семейного права борются два начала. Начало семьи — начало собственника и начало государственное — интересы самого государства. Духовная часть личности подавляется и все недееспособные совершенно ограничены в своих правах на имущество, как то расточители, алкоголики, слабоумные, душевнобольные. Каждое государство в целях своего благополучия должно обращать внимание на попечительство“.

В основу научного труда В.И. Пен Ко-ци легло 52 труда европейских и русских учёных. Прекрасное знание европейских и азиатских языков помогло г. Пен Ко-ци брать выдержки непосредственно из первоисточников не пользуясь переводами» [II, 6].

И, наконец, харбинский журнал «Рупор», подробнейшим образом изложил особенности данного труда: «*Замечательная диссертация.* „*Охрана НЕТРУДОСПОСОБНЫХ и НЕДЕЕСПОСОБНЫХ Семьёй и Государством*“. На днях в испытательную комиссию при местном юридическом факультете была представлена дипломная работа старшего драгомана суда г. Пен Ко-ци. По отзывам принимавших работу профессоров, она далеко выходит из рамок обычных дипломных работ и представляет солидный научный труд, вносящий весьма ценный вклад в одну из наименее разработанных областей юриспруденции и социологии.

Недееспособных много во всяком государстве. К этой группе относятся все лица, не достигшие гражданского совершеннолетия, все лишённые прав, расточители, умалишённые, алкоголики, слабоумные и в некоторых государствах женщины и монашествующие. В борьбе за право опеки над ними всё время идёт спор между двумя началами семьёй и государством. Государство в этом споре защищает интересы личности и всего общества. Семья — свои родовые интересы.

Государство в данной борьбе является олицетворением прогресса и движения вперёд, семья — стремления назад. Поэтому, чем прогрессивнее законодательство страны, тем больше права государственного наблюдения и меньше права опеки семейной. Но на практике, фактически, почти везде довлеет опека семьи. Таковы основные

положения, выдвинутые диссертантом. Но в общем законоположения, связанные с этими вопросами, весьма мало разработаны. Законодатели, юристы отталкивали эти вопросы к области социологии, а социологи — к юриспруденции.

Автор детально исследует все положения, возникающие по данным вопросам, и подкрепляет их ссылками и параллелями по подлинникам законодательств и научных трудов, английских, французских, итальянских, швейцарских, германских, японских и китайских. Кроме того, г. Пен Ко-ци пользуется неизданным русским уложением, советским законом, нанкинским кодексом, мусульманским и еврейским обычным правом. Всего автором использовано 52 труда, из которых сделано 4600 цитат.

Все труды использованы автором в подлинниках, причём большинство он переводил лично, пользуясь своим знанием шести языков. Ещё большую роль сыграла громадная практика г. Пен Ко-ци, который, в течение 12 лет пробыл старшим драгоманом суда и заведовал отделом опеки, где ему пришлось столкнуться с подлинными запросами жизни. Ни одно из западноевропейских законодательств не исчерпывает данного вопроса полностью, и по мнению харбинской профессуры, работа г. Пен Ко-ци является наиболее самостоятельным трудом в мировой литературе и представит ценный вклад в создающееся законодательство Маньчжу-Го.

Интересно отметить, что испытательная комиссия, рассматривая работу г. Пен Ко-Ци, была в своё время официально утверждена русским правительством и не отменена до сих пор ни китайским правительством, ни правительством Маньчжу-Го. Но какое звание она может дать, до сих пор не определено, и можно только констатировать, что в западной Европе за свою работу, после её защиты, г. Пен Ко-ци получил бы звание доктора прав» [II, 9].

Рассмотрим оглавление диплома юриста-драгомана Пентковского, который состоит из трёх глав, введения и заключения, а также приложений.

«Предисловие; Источники. Глава 1. Опека. Основания для установления опеки и виды опеки; Лица, могущие быть опекунами; Назначение опекунов; Назначение соопекунов; Назначение опекунов-блюстителей и советников; Права и обязанности опекунов над личностью несовершеннолетнего; Права и обязанности опекунов над имуществом; Контроль над действиями опекунов; Увольнение и замена опекунов; Закрытие опеки; Права и обязанности лиц, состоящих под опекой; Опеки специального назначения; Опека над совершеннолетними.

Глава 2. Попечительство как самостоятельный институт и как добавление к опеке. Права и обязанности Опекунских Установлений. Глава 3. Семейный Совет. Заключение» [II, 15].

В приложенном к диплому Отзыве научного руководителя проф. В.А. Рязановского говорится, что дипломная работа страдает отсутствием главы, трактующей коллизионные нормы религиозного права евреев, мусульман и других народов, упоминаемых в тексте; «нет также главы об ограничении дееспособности замужней женщины, но этот вопрос можно считать не входящим в тему настоящей работы <…> Литература вопроса изучена им слабее, в пределах того, что можно было достать в Харбине. Встречаются некоторые отдельные погрешности, например, в классификации опек, в отношении к монашествующим (не проведено определённого юридического взгляда), в требовании от опекуна испрашивать разрешения на все сделки (чего не требуют законодательства и что до чрезвычайности стесняет деятельность последнего) и нек. др. Необходимо также отметить, что автор иногда приводит диаметрально противоположные взгляды, но не делает своего вывода, например, относительно принятия опекунских обязанностей, назначения соопекунов, права опекуна на наказание подопечного. Терминология автора не всегда носит выдержанный юридический характер, а иногда заменяется чисто бытовыми терминами, например, „разбазарить“ имущество, „молодняк“ и т.п. Слог работы местами тяжёл, иногда не вполне ясно выражается мысль автора. Но все приведённые дефекты не портят существенно работы…» [II, 31].

Мы не случайно изложили содержание дипломной работы, это необходимо для понимания полной картины того исследования, которое так поразило профессоров и журналистов. Ещё 100 лет назад В.И. Пентковский интуитивно (и благодаря большой практике) уже осознал поворот общественного внимания к недееспособным согражданам, причём и что в разрешении проблем этой общественной категории необходимы усилия именно государства, так как во многих случаях семейное и общественное отношение к недееспособным основано на традициях и архаичности. С развитием современного общества, с эволюцией человека и достижениями науки и медицины — возможен переход на качественно новый уровень охраны и помощи недееспособным, для возможно большей их реабилитации и адаптации к новой социальной жизни. И для этого необходим именно государственный подход, поскольку новшества такого рода призваны провести новую правовую грань в стремлении к равенству прав общественных групп и предоставить новые возможности этой категории социума, считавшейся ущербной. Общество, разумеется, может

оказать посильную помощь, но вмешательство государства определяется юридическими нормами и процессуальными практиками этого процесса (который, по словам Пентковского, не совершенен ни в одной стране).

Ознакомившись с некоторыми документами советской разведки в Китае, мы не нашли (да это и невозможно) в них фамилии Пентковского, он был глубоко законспирирован: все разведчики работали под прикрытием с именами-позывными (например, «Рамзай» у Р. Зорге). Работал ли Пентковский с Рамзаем — не доказано. Однако косвенное подтверждение о его особой деятельности в Китае дала знакомая Вячеслава Пентковского из Челябинска. Во время их знакомства Пентковский был уже пенсионером КГБ и проживал на Южном Урале, а Мила[17] была студенткой 1 курса института. В воспоминаниях Мила пишет: «Вячеслав Иванович внутренне был очень свободным человеком, он с вдохновением мог рассказывать о своей жизни при мне, девчонке. Кстати, я два раза слышала от него то, что было как-то связано с его скрытой жизнью. В первый раз речь шла о книге „Кто вы, доктор Зорге?“ ([II, 28]. — *Л.Ч.*), популярной в те годы. В.И. сказал, что он передавал такую же информацию о позиции Японии. Во второй раз у нас зашёл разговор о большой статье про Кима Филби, которая была опубликована в газете „Комсомольская правда“ или „Известия“[18] ([II, 24]. — *Л.Ч.*), точно не помню, газета лежала на тумбочке. В.И. спросил, читала ли я статью (конечно, читала, это была „бомба“), у него навернулись на глаза слёзы, и он мне сказал: „Милочка, вот это наша судьба…“» [II, 44].

При воссоздании деятельности наших разведчиков в Китае в межвоенный период вполне можно воспользоваться данными документов, представляемых резидентурой Центру и ставших сегодня открытыми. Какие сведения требовались центру? Состояние границ Китая и СССР; материалы по белогвардейской эмиграции; японская агрессия в Китае; численность войск и т. д. Сведения по готовящейся агрессии по отношению к СССР. Безопасность советских граждан в Китае и государстве Маньчжоу-Го.

Так, в донесениях из Китая от 15 января 1939 г. говорилось о: «1. Состоянии японских войск в Китае; <…> 3. Состоянии японских

---

[17] Коптелова Людмила Леонидовна; инженер, специалист в области авиастроения, жительница Челябинска, ныне пенсионерка. Мать Милы была куратором семьи Пентковских по линии КГБ. (Из личной переписки с автором, январь–июнь 2018 г.).

[18] 30 июня 1963 г. газета «Известия» сообщила, что Ким Филби попросил политического убежища в Советском Союзе.

войск в Маньчжурии и Корее…; <…> 3. Организации пограничных гарнизонов с численностью… На основании изложенного… японское командование переводит Квантунскую армию на военное положение, о чём свидетельствуют следующие основные факты: 1. Реорганизация управления войсками с использованием форм и методов управления, характерных для военного времени; 2. Организация пограничных гарнизонов, целью которых, нужно полагать, явится взаимодействие с УРами; 3. Реорганизация дислоцирующейся в Маньчжурии авиации по тому же типу, что и в Китае, т.е. вместо отдельных авиаполков, организованы отряды, которые, видимо, объединяются в более крупные авиационные соединения» [I, 5]. По-военному чётко, ясно, достоверно; при этом все эти сведения проверялись и перепроверялись десятки раз. Важна была также газетная информация с мест, в которой можно было отследить передвижения японских военных, политических, общественных лиц в Маньчжурии и Китае, их встречи с иностранными резидентами на Дальнем Востоке [I, 1].

Центр интересовала организация встреч представителей Пакта трёх держав, резидентура иностранных разведок в Китае. Необходимо было заниматься превентивной работой по обезвреживанию деятельности японской и китайской разведок. Так, например, в январе 1939 г. советская агентура сообщала о шпионской работе Квантунской армии в отношении СССР: «У майора Шолль (информатора. — *Л.Ч.*) создалось впечатление, что Квантунская армия очень хорошо осведомлена, получая огромную массу информации… Осуществляются три вида шпионажа. Первое — наблюдение с линии границы. Во многих пунктах расположены посты, которые с близкого расстояния наблюдают за жизнью на советской стороне. Майор Шолль посетил такой наблюдательный пост, расположенный против Благовещенска, откуда в бинокль можно видеть, что происходит в красноармейских казармах. Каждое движение в казармах фиксируется.

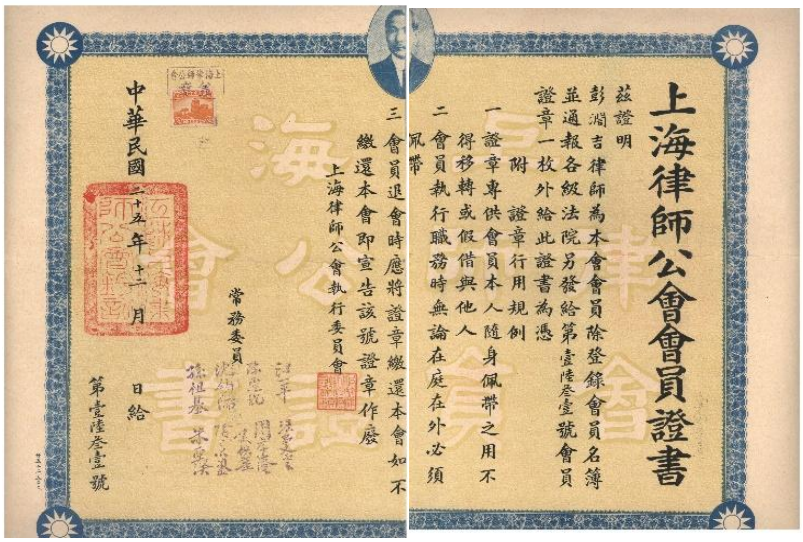
Второе — работа с белогвардейцами. Известная компания Чурина используется в качестве организации с отделениями и для связи Маньчжурии с отдалёнными районами. Все адреса друзей или родных этих белогвардейцев регистрируются. Особенно собираются сведения о Сибири. Японцы побуждают людей, имеющих советские адреса, посылать письма этим адресатам или предпринимать даже другие мероприятия. Центром этой работы является Харбин; … Шолль также узнал, что переходы белогвардейцев через границу проводились успешно…

Третий вид шпионажа осуществляется через евреев, имеющих адреса в СССР или Америке, через которых могла бы быть установле-

на связь в СССР. Этот вид шпионажа проводится из Дайрена и Шанхая» [I, 2].

По заданию из Центра в начале 1930-х гг. Пентковский вынужден был переехать в Шанхай.

Жизнь и деятельность в Шанхае. Указанный диплом и должность драгомана суда позволили В.И. Пентковскому вступить в Шанхайскую гильдию китайских адвокатов (копии аккредитаций 1936 и 1945 гг. прилагаются); вслед за этим он переводит свою юридическую контору из Харбина в Шанхай. Обратим внимание: он стал членом не международной гильдии адвокатов и не «Русского юридического общества» в Шанхае, а получил именно китайские документы, разрешающие ему юридическую деятельность в целом по стране, право защищать главным образом права клиентов разного гражданства.


上海律師公會會員證書

茲證明
彭淵吉律師為本會會員除登錄會員名簿
並通報各級法院另發給第壹陸叁壹號會員
證章一枚外給此證書為憑

附 證章行用規例

一 證章專供會員本人隨身佩帶之用不
得移轉或假借與他人

二 會員執行職務時無論在庭在外必須
佩帶

三 會員退會時應將證章繳還本會如不
繳還本會即宣告該號證章作廢

上海律師公會執行委員會

常務委員

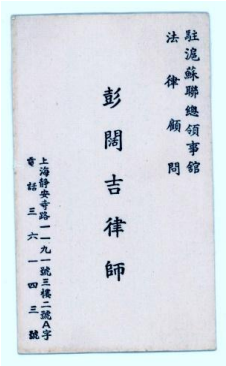
中華民國 二十五年十一月 日給

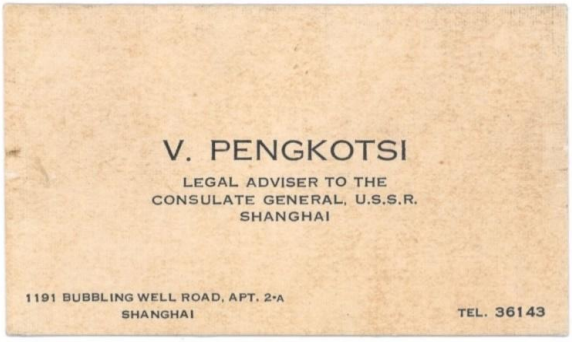
第壹陸叁壹號

Сертификат-лицензия № 1631 члена Шанхайской гильдии юристов. «Сим подтверждается, что юрист Пэнкоци является членом нашего общества. Также подтверждаются категории деятельности судебных палат. Выдана официальная печать (№ 240), что подтверждается данным документом. Печать обязательно носится с собой; запрещено передавать или одалживать другим лицам; при увольнении из общества печать обязательно возвращается, в противном случае подлежит аннулированию. Члены Комитета: подписи 8-ми постоянных членов. Декабрь 1936 г. /25-й год Китайской Республики/». Из личного архива К.В. Панина. Перевод 2017: Лю Синтао, Шэньянский госуниверситет, иностранный отдел.

При работе с материалом о В.И. Пентковском долгое время не создавалось его образа. Имелась некая схема, а вот человека не было. Чуть-чуть он проступил после газетных вырезок, его интервью (обозначились речь, лексика, стиль изложения, образ мыслей), а потом он снова «спрятался».

Его биограф К.В. Панин предоставил нам для изучения его служебные визитки (рекламы его фирмы-конторы не оказалось) со следующими комментариями: «Визитки В.И. Пентковского (какие нашлись в присланных бумагах) — прилагаю. Образ его — очень сложен… не опишешь в двух словах. Он одновременно и глубоко романтичен… и весьма прагматичен как адвокат. Возможно, понять его помогут такие факты, как то, что он имел китайские татуировки на груди и руках. Был знаком с китайскими контрабандистами. Ну и не только с китайскими, т. к. ещё *до* революции участвовал в контрабандных поставках оружия в Россию. Бредил морем и авиацией» [II, 14].



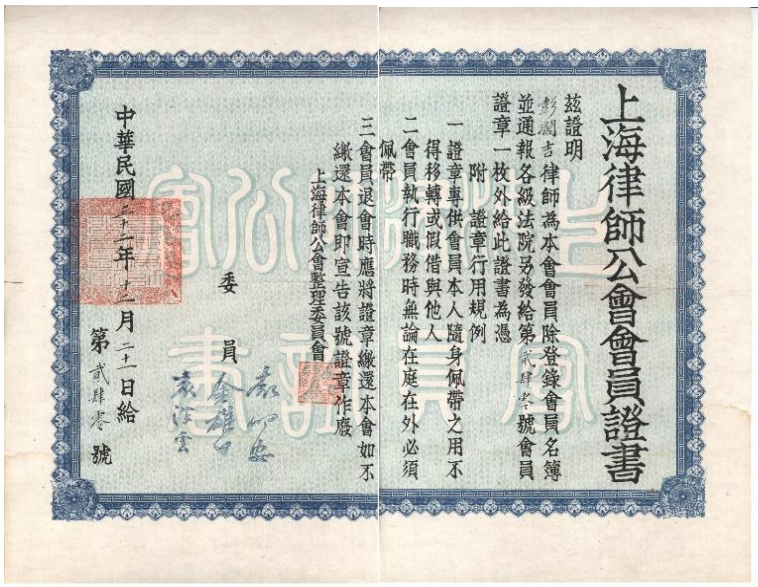


Визитные карточки В.И. Пентковского в Шанхае

13 июня 1938 года на границе с Маньчжурией совершил побег к японцам начальник управления НКВД Дальневосточного края Люшков Генрих Самойлович. Через месяц после побега Люшкова произошло столкновение советских и японских войск у озера Хасан (1938). Для нашей разведки в Китае переход Люшкова грозил провалом сети резидентов в случае, если он владел этой информацией. Вероятно, Люшков не успел ещё войти так глубоко в дела, так как на должности начальника управления на Дальнем Востоке прослужил лишь год[19] [II, 22]. К тому времени Пентковский уже несколько лет работал в Шанхае.

---

[19] Доклады Люшкова по военным вопросам публиковались в японской военной печати, некоторые статьи переводились в США. Он не признавал



上海律師公會會員證書

茲證明
彭國吉律師為本會會員除登錄會員名簿
並通報各級法院另發給第貳肆零號會員
證章一枚外給此證書為憑
附 證章行用規例
一 證章專供會員本人隨身佩帶之用不
得移轉或假借與他人
二 會員執行職務時無論在庭在外必須
佩帶
三 會員退會時應將證章繳還本會如不
繳還本會即宣告該號證章作廢
上海律師公會整理委員會
委員 [illegible]
[illegible]
中華民國二十一年十二月二十一日給
第貳肆零號

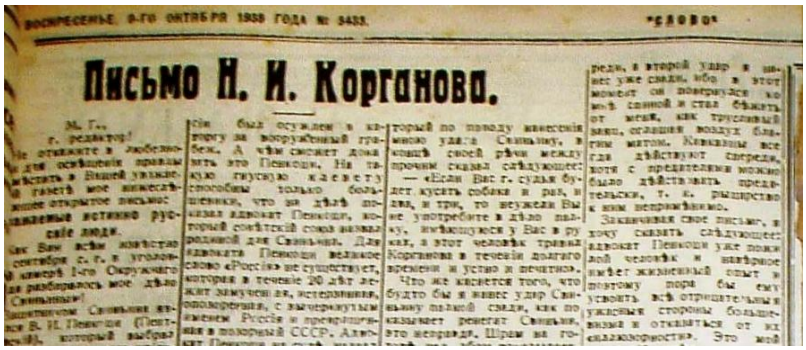
Сертификат-лицензия члена Шанхайской гильдии юристов. “Сим подтверждается, что юрист Пэн Ко-цзи является членом нашего общества. Также подтверждается право на деятельность по разным категориям судебных палат. Выдана официальная печать № 240, что подтверждается данным документом. Дополнение-правила использования казённой печати: используется только гильдией юристов, носится лично с собой, запрещено передавать или одалживать иным лицам; в суде и вне суда печать носится с собой; при увольнении из нашего общества печать возвращается, в противном случае аннулируется. 23.12.1943 г. (1932 год Китайской

белоэмигрантов, особенно после провала тщательно продуманной им операции (организация убийства Сталина на курорте в Мацесте). Люшков возглавил террористическую группу из русских эмигрантов, которую японцы в 1939 г. перебросили к советско-турецкой границе. Однако ни Люшков, ни японцы не предполагали, что советская разведка пустила глубокие корни среди эмигрантов и в террористическую группу попал советский агент. Переход через границу сорвался. План покушения не удался… Некоторые высшие офицеры японской армии скептически относились к его советам, но Хасан и особенно Халхин-Гол (май–август 1939) показали: Люшков предупреждал, что японцам не удастся победить. Для победы над советскими войсками в тех условиях, считал Люшков, нужно не менее 4 тысяч танков. Для тогдашней японской танковой промышленности это было неосуществимой мечтой.

Республики)». Из личного архива К.В. Панина. Перевёл (2017): Лю Синтао, Шэньянский гос. Университет, иностранный отдел.

О шанхайском периоде жизни В.И. Пентковского мы пока мало что знаем. Он содержал контору, которая предоставляла услуги, в том числе и по адвокатуре, официальный перевод документов с их заверением и так далее… Своего рода юридическая консультация. В момент выезда большого количества репатриантов из страны многие нуждались в обновлении своих документов, в различного рода ходатайствах на разрешение (выезд в другие страны, репатриация в СССР). Тем не менее в рекламных проспектах справочников по Шанхаю сведений о его юридической конторе пока не обнаружено. Все документы содержатся или в архивах Китайской Народной Республики, или в архивах СВР РФ. «Точно известно лишь то, — считает К.В. Панин, — что его юридическая практика охватывала почти всю территорию Китая. По воспоминаниям его внучки Ю.М. Пентковской, В.И. привёз из Шанхая свой юридический архив, включавший в себя более 2 тыс. дел и документов, и огромную картотеку по вопросам китайского права — свою судебную практику».

Он же утверждает, что Пентковский В.И. продолжал работу по изучению тангутов и часто выезжал в научные экспедиции со своей женой и помощницей — Юккой (Анной Филипповной Пэнкоци-Трухиной) [II, 35]. Можно предположить, что выдавая себя за знатока и исследователя истории тангутов, В.И. Пентковский мог свободно перемещаться по стране со своими особыми целями.



ВОСКРЕСЕНЬЕ, 9-ГО ОКТЯБРЯ 1938 ГОДА № 3433. «СЛОВО»

Письмо Н. И. Корганова.

М. Г.,
г. редактор!

Не откажите в любезно-
сти для освещения правды
поместить в Вашей уважае-
мой газете мое нижеслѣ-
дующее открытое письмо:

Уважаемые истинно рус-
ские люди.

Как Вам всѣм известно
сентября с. г. в уголов-
ном камерѣ 1-го Окружного
суда разбиралось мое дѣло
Защитником Свиньина яв-
ился В. И. Пенкоци (Пент-
ковский), который выбрал

сіи был осужден к ка-
торгу за вооруженный гра-
беж. А чѣм смеет дока-
зать это Пенкоци. На та-
кую гнусную клевету
способны только боль-
шевики, что он дѣлѣ по-
казал адвокат Пенкоци, по-
торый советской сорой назы-
родиной для Свиньина. Для
адвоката Пенкоци великое
слово «Россія» не существует,
которая в течение 20 лѣт ле-
жит замученная, истерзанная,
опозоренная, с вычеркнутым
именем Россіи и превращен-
ная в позорный СССР. Адво-

торый по поводу нанесенія
мною удара Свиньину, в
концѣ своей рѣчи между
прочим сказал слѣдующее:
— «Если Вас г. судья бу-
дет кусать собака и раз, и
два, и три, то неужели Вы
не употребите в дѣло палку,
имѣющуюся у Вас в ру-
ках, а этот человѣк травил
Корганова в теченіи долгаго
времени и устно и печатно».
Что же касается того, что
будто бы я нанес удар Сви-
ньину полной сумки, как по-
казывает ренегат Свиньин,
это неправда. Шрам на го-

реди, в второй удар я на-
нес уже сумки, ибо в этот
момент он повернулся ко
мнѣ спиной и стал бѣжать
от меня, как трусливый
заяц, оглашая воздух бла-
гим матом. Кавказцы все
где действуют спереди,
хотя с предателями можно
было дѣйствовать предо-
тельски, т. к. рыцарство
к ним неприемлемо.

Заканчивая свое письмо, я
хочу сказать слѣдующее:
адвокат Пенкоци уже поже-
лой человѣк и наверное
имѣет жизненный опыт и
поэтому пора бы ему
усвоить всѣ отрицательныя
ужасныя стороны больше-
визма и отказаться от их
«кажомористи». Это мой

Фрагмент письма Н.И. Корганова о В.И. Пентковском как об адвокате

В копиях имеющихся в нашем собрании шанхайских газет случайно обнаружилось имя юриста В.И. Пэнкоци (Пентковского) в разделе «писем читателей» газеты «Слово» от 8 октября 1938 г. В дан-

ном деле, изложенном проигравшим дело истцом Н.И. Коргановым, Пентковский защитил ответчика, и газета опубликовала пространное письмо возмущенного истца, недовольного методами защиты противоположной стороны (так, имя адвоката упоминается 10 раз. — *Л.Ч.*) [II, 38].

Согласно расхожему мнению, в Китае белоэмигранты и советские граждане жестоко враждовали и жили порознь. Однако стоит учесть, что в Харбине и в Шанхае на улицах городов сосуществовали конторы и предприятия как советских, так и белоэмигрантских служащих. Переехав в Шанхай, В.И. Пентковский снимает небольшое помещение на ул. Бабблинг Вэлл роуд (Bubbling Well road) недалеко от известного танцзала «Мажестик» на Французской концессии. Здесь он занимается нотариальной и адвокатской практикой, защищает интересы советских граждан и просоветски настроенных эмигрантов, китайцев, иностранцев и белоэмигрантов. Вероятно, В.И. Пентковскому как китайскому гражданину удавалось в шанхайской жизни «пройти между Сциллой и Харибдой» — несколькими противоборствующими группировками соотечественников и различных ино-разведок, а официальной сферой его деятельности был нотариат и переводы документов.

Благотворительная деятельность и светская жизнь. По рассказам семьи, всю свою жизнь Пентковские поддерживали благотворительные балы, акции, мероприятия, касались ли они помощи бедным, «недостаточным учащимся», т. е. нуждающимся, различного рода социально незащищённым слоям общества. По словам К.В. Панина, «обладая положением в обществе и большим состоянием, он оказывал поддержку своим соотечественникам, как сов. гражданам, так и эмигрантам, помогая им защитой в правовых и имущественных интересах в китайском суде, покрытием судебных издержек за тех, кто был не в состоянии это сделать самостоятельно». Будучи ещё в ранний период своей деятельности в Китае привлечённым к работе опекунского присутствия (что дало ему в дальнейшем защитить диплом по схожей теме), он окунулся в практические вопросы попечительского совета, причём призрению (помощи) подлежали несовершеннолетние, всякого рода лишённые прав, растратчики, пьянствующие, опустившиеся, бродяги, умалишённые и слабоумные, нуждающиеся в медицинской помощи, а также падшие женщины и даже монашествующие. Кроме того, средства собирались и для каких-то разовых мероприятий: «Юбилейные пушкинские торжества» (1937 г.), «День Белого цветка» (для туберкулёзных больных), «кружечные сборы» для бездомных и нуждающихся, на постройку соборов, на ремонт больницы, на открытие «Дома инвали-

дов», проведение «школьной чашки чая» и т. д. и т. п. В одной из шанхайских газет ещё в 1920-е годы с призывом для помощи бедным и голодающим обратился старый человек, пенсионер. В завершение письма он писал: «Не проходите мимо, не отворачивайтесь, не надейтесь, что кто-то другой покормит, подберёт и спасёт беззащитных. Возможно, вы и были теми, кто ещё мог их спасти, чьей-то последней надеждой остаться в живых...» [II, 37].

В Шанхае имелась масса благотворительных организаций, и многие иностранцы и состоятельные белоэмигранты почитали своим долгом передавать в эти организации часть своих средств, в том числе китайским благотворительным обществам. Эта деятельность была своего рода вступительным взносом для вхожих в светские шанхайские круги. Таких благотворителей уважали, к ним обращались в экстренных случаях, их имя находилось на «пьедестале почёта», ими дорожили. Так что две линии — внутренняя убеждённость и практическая значимость — сыграли в жизни преуспевающего адвоката большую роль. Расширение клиентуры всюду по Китаю, вероятно, давало нашему герою свободу передвижения по стране, что при секретной миссии было весьма немаловажно.

Мировая война. Тем не менее после нападения Германии на СССР, 23 июня 1941 г. шанхайский адвокат Пэнкоци подаёт заявление на фронт. К.В. Панин пишет, что «его не остановило то, что он возглавлял в этот момент группу эмигрантов по сбору информации о милитаристской Японии, о японских вооружённых силах на Дальнем Востоке, о планах вступления в войну. Такое положение позволяло В.И. Пентковскому предоставлять Советской внешней разведке исключительно важные сведения, подтверждавшие отказ Японии от быстрого вступления в войну» [II, 35]. А.И. Колпакиди сообщает: «С 1936 г. жил в Шанхае, где открыл юридическую контору. В разгар битвы под Москвой, наряду с Р. Зорге, передал, что Япония не будет нападать на СССР. В 1946 г. вернулся на родину» [II, 26].

Вероятно, в открытой мобилизации ему было отказано, вплоть до 1946 г. он оставался «бойцом невидимого фронта». На наш взгляд, во время войны, скорее всего, сильно поменялся стиль его поведения, «романтика безымянного подвига» в такое время уже не работала, настало время открытой борьбы, прямого боя лицом к лицу с врагом. В этой своей работе он ловко использовал обозначившийся раскол в среде эмиграции на «оборонцев» и «пораженцев», передавал значительные средства в просоветскую организацию «Союз возвращенцев» (существовала в Шанхае с 1937 г.), финансировал издание шанхайской советской газеты «На Родину» (с 1941 г. называлась «Новая жизнь»), поддерживал средствами советскую

радиостанцию «Голос Родины» и т. д. Заметив столь явную активность, японцы реквизировали «на нужды японской армии» принадлежавшее В.И. Пентковскому недвижимое имущество, всячески мешали его адвокатской работе. Он был выселен из своего дома, лишён офиса и большой части научной коллекции и библиотеки. В 1940-х гг. на него и его новый дом было совершено три нападения (наёмными китайцами и японцами) [II, 35]. Однако ему и его супруге удалось уцелеть, и в 1946 г. они репатриировались на родину. «При отъезде из Китая в 1946 г., — пишет К.В. Панин, — он разделил свою большую коллекцию культурных ценностей, собранную за годы проживания в Китае, и одну её часть подарил Китайской Республике, а другую — преподнёс в дар СССР» [II, 35].

После окончания Второй мировой войны востоковеды, работавшие в разных областях научного знания Китая, собиравшие свои наблюдения и глубоко понимавшие китайский и другие восточные народы, перенесли свой интерес и опыт в другие страны. Так и В.И. Пентковский был задействован в области востоковедения в СССР. Но это тема отдельного повествования. Несомненно, судьба этого удивительного человека и патриота привлекает внимание и заставляет восхищаться его мужеством, стойкостью, стремлением служить своей Родине, улучшению отношений с Китаем, передавать свои знания и интерес к Востоку коллегам по Институту востоковедения и новым поколениям студентов.

Автор выражает благодарность К.В. Панину и Л.Л. Коптеловой за предоставленные материалы и консультации.

Источники и литература

I. Источники

1. Агентурное сообщение «Рамзая» из Токио о целях поездки министра иностранных дел Японии Мацуока в Германию и СССР. Документ № 5.47 / ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА ИНФОРМИРУЕТ. Раздел 5. ПОЛИТИКА ЯПОНИИ И СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (Октябрь 1939 г. — июнь 1941 г.) / ЦА МО РФ. Ф. 23, оп. 24127, д. 2, л. 198–199. Машинопись на специальном типографском бланке. Копия //Архив А.Н. Яковлева. URL: http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1001460

2. Агентурное сообщение «Рамзая» из Токио о японском шпионаже против СССР. 7.01 и 19.01.1939 г. Документ № 2.2 / ЦА МО РФ. Ф. 23, оп. 22407, д. 2, л. 19, 26. Машинопись на специальном типографском бланке. Копия // URL: http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1000928

3. Архив ИВ РАН. Личное дело Пенкоци-Пентковского Вячеслава Ивановича. 56 л.; фото.

4. ГАХК. Фонд Р-830 («Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии»). Оп. 1. Дело: Поносов, Владимир Васильевич. Дата: 1942–1948. Л. 1–13.

5. Записка заместителя начальника Разведуправления РРКА начальнику Генштаба РККА с препровождением сводки по переброскам японских войск. 15.01.1939 / РГВА. Ф. 37977, оп. 1, д. 98, л. 54, 56, 58. Машинопись на бланке Разведуправления РККА. Копия. Автограф. // URL: http://www.alexanderyakovlev.org/ fond/issues-doc/1000931

6. РГА ВМФ. Ф. 417, оп. 4, д. 2086, л. 119. Рапорт В.И. Пентковского.

7. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 704, оп. 1, д. 1, л. 25 (цит. по: Система общественного управления крестьянского и коренного населения Приамурского края (вторая половина XIX века — начало XX) / Амурские сезоны. URL: http://xn--80afg3aiou.xn--p1ai/sources/nat_econ/agriculture/agriculture-x=18.php)

II. Литература

1. *Авенариус Г.Г.* Суды и процессуальные нормы в Китае. Доклад, прочитанный на публичном заседании общества русских ориенталистов в Харбине 15 января 1921 г. // Вестник Азии, 1922, № 48. С. 131–146; *Гильчер М.Э.* К вопросу о применении советских законов в китайских судах // Вестник Маньчжурии, 1925. № 8–10. С. 12–16; *он же*. Очерки китайского акционерного права // Известия юридического факультета / Высшая школа в Харбине. Харбин, 1925. Т. 1. С. 11–22; *Рязановский В.А*. Гражданское право Китая. Вып. 1. Очерк действующего китайского гражданского права. Харбин: Тип. Заря, 1926. 196 с.; *он же*. Основные институты китайского гражданского права // Вестник Маньчжурии, 1926. № 5. С 18–26.

2. *Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К.* Организационная структура Коминтерна 1919–1943. М., 1997 (цит. по: [43, с. 54]).

3. *Антонов В.С.* Жизнь по «легенде» // URL: https://military.wikireading.ru/43569

4. Блестящая дипломная работа В.И. Пен Ко-ци // Заря, № 157. Вторник, 13 июня 1933 г.

5. *Гинс Г.К., проф*. Сибирь, союзники и Колчак. Тяньцзинь, 1926; *он же*. Этические проблемы современного Китая // Известия юридического факультета / Высшая школа в Харбине. Харбин, 1927. Том 4. С. 1–80; *он же*. Очерки торгового права Китая. Вып. 1. Торговое товарищество. Харбин, 1930.

6. Диссертация Пен Ко-ци // Харбинское время, № 161. Воскресенье, 18 июня 1933 г. С. 4.

7. *Ермоловская Т.* Легенда советской разведки — Наум Эйтингон / Погранец. Всесоюзный форум пограничников // URL: http://www.pogranec.ru/showthread.php? t=19488&page=5

8. Загадки старинных кладов // URL: http://такжelib.net/b/290799/read

9. Замечательная диссертация. «Охрана НЕТРУДОСПОСОБНЫХ и НЕДЕЕСПОСОБНЫХ Семьёй и Государством» // Рупор, № 161. Воскресенье, 18 июня 1933 г.

10. Из автобиографии Пенкоци-Пентковского В.И. Ист.: Архив ИВ РАН. Личное дело Пенкоци-Пентковского В.И. Без пагинации.

11. Из беседы с К.В. Паниным, декабрь 2017 г.

12. Известия Юридического факультета в Харбине (Харбин, 1925–1938) // URL: http://www.emigrantica.ru/item/izvestiia-iuridicheskogo-fakulteta-v-kharbine-kharbin–1925–1938

13. Из сообщения К.В. Панина; см. [I, 6].

14. Из личной переписки с К.В. Паниным. Дата: декабрь 2017.

15. Из хранящегося ныне в РГБ экземпляра диплома В.И. Пентковского. См.: Пентковский, Вячеслав Иванович (1886–1968). Охрана недееспособных семьёй и государством: дипломная работа ПЭН-КО-ЦИ (В.И. Пентковского). Харбин: [б. и.], 1933. 385, [7] л.: портр.; 35 см.

16. Интересная работа молодого учёного // Наша газета, № 155. 20 июня 1933; Дипломная работа Пенкоци // Новости Востока, № 161. Вторник, 3.06.1933; На Юридическом факультете (Даны списки студентов и названия их дипломных работ, в том числе Пен Ко-ци /Пентковского/ В.И. — *Л.Ч.*) // Харбинское время, № 168. Пятница, 26 июня 1933 г.

17. [Именной указатель] Благовещенцы (П) / Амурский областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского // URL: http://museumamur.org/bibliography/%D0%9F?Bibliography_page=4.

18. Возвращённая история. Документы по истории российской эмиграции. Выставка новых поступлений ГАРФ. 2012-2014 гг. // URL: http://statearchive.ru/596

19. ГАХК. Фонд Р-830 («Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии»). Оп. 1. Дело: Поносов, Владимир Васильевич. Дата: 1942–1948. Л. 1–13.

20. *Колпакиди А.И., Прохоров Д.П.* Всё о внешней разведке. М.: АСТ, Олимп, 2002.

21. Ораниенбаумское восстание 1917 г. // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_sp/1856/Ораниенбаумское_восстание_1917

22. *Тумшис М., Папчинский А.* 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. Москва: Яуза, Эксмо, 2009. 508, [2] с.

23. Харбинский юридический факультет. https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1331142

24. *Шварев Н.А.* Советский разведчик Гарольд Ким Филби (1912–1988) // URL: https://history.wikireading.ru/128249; позже в «Известиях» вышла статья «Здравствуйте, товарищ Ким» (см. *Руфина Пухова-Филби*. «Он не считал себя предателем» // Московский Комсомолец, 8 октября 2017. URL: http://www.mk.ru/social/2017/10/08/vozmozhno-zhiteli-moskvy-pogibli-by-otkroveniya-vdovy-legendarnogo-sovetskogo-shpiona.html

25. *Карелин Ю.* В то время на Дальнем Востоке // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 12.

26. *Колпакиди А.И., Прохоров Д.П.* Всё о внешней разведке (Электронная версия) // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1020114/Kolpakidi_Vse_o_vneshney_razvedke.html

27. Крестьянские начальники Южно-Уссурийского края (1902–1917 гг.) / Российский государственный исторический архив Дальнего Востока // URL: http://rgiadv.ru/rabota-s-polzovatelyami/v-pomosch-issledovatelyu/krestyanskie-nachalniki/

28. *Мейснер Ганс Отто*. Кто вы, доктор Зорге? / Сокр. пер. с англ. М.: Воениздат, 1966. 150 с.

29. *Миролюбов Н.И.* Китайский кодекс полицейских правонарушений. (Общая характеристика) // Известия юридического факультета / Высшая школа в Харбине. Харбин, 1926. Т. 3. С. 161–168; *он же*. Новое уголовное Уложение китайской республики. Общая характеристика // Известия юридического факультета / Высшая школа в Харбине. Харбин, 1925. Т. 1. С. 75–87.

30. *Одарченко А.И*. Проблемы систематики административного права. Право и жизнь. Харбин, 1926. Кн. 4–5. С. 57–67 (см. о Миролюбове: https://ru.wikipedia.org/wiki/Харбинский_Юридический_факультет).

31. Отзыв проф. В.А. Рязановского. 6 июня 1933 г. / Диплом В.И. Пентковского. Харбин, 1933.

32. Охрана НЕТРУДОСПОСОБНЫХ и НЕДЕЕСПОСОБНЫХ Семьёй и Государством // Заря, № 158. Среда, 14 июня 1933 г.

33. Очерки истории Российской внешней разведки. В 6 т. Т. 2. М., 1997.

34. *Панин-Пентковский К.В*. Доклад «Эмиграция и Вторая мировая война. Вячеслав Иванович Пентковский: жизнь и судьба», прочитанный на Российской научной конференции «Восток и Вторая мировая война: 70 лет Великой Победы» 20 мая 2015 г. // URL: https://www.ivran.ru/novosti?Artid=1502

35. *Панин-Пентковский К.В.* Пентковский Вячеслав Иванович — востоковед (китаевед), юрист и путешественник / *Журавлёв В., Вабищевич Г., Митюрин Д.* В небе Ораниенбаума. К 100-летию Морской Авиации в Ораниенбауме. Ломоносов, Муниципальное казённое учреждение муниципального образования город Ломоносов «Информационный центр», 2016. 448 с.

36. Пентковский Вячеслав Иванович // (см: [20; 26]).

37. Письма в редакцию // Заря, 1922 год, без даты (из собрания Л.П. Черниковой).

38. Письмо Н.И. Корганова [об адвокате Пэнкоци] // «Слово», № 3433. Воскресенье, 8 октября 1938 г. (из собрания Л.П. Черниковой).

39. *Сетницкий Н.А*. Русские мыслители о Китае (В.С. Соловьёв и Н.Ф. Фёдоров) // Известия юридического факультета / Высшая школа в Харбине. Харбин, 1926. Т. 3. С. 191–222. Приложение: *Фёдоров Н.Ф*. Чему научает древнейший христианский памятник в Китае? По поводу статьи С.С. Слуцкого «Древнейший христианский памятник в Китае» // Русский вестник, 1901. № 1: С. 223–229; *Шкуркин П.В*. Правосудие, китайская сказка (перевод с китайского) // Вестник Азии, 1916. № 38–39. С. 135–149.

40. *Максимов А.Я*. На Далёком Востоке // *Максимов А.Я*. Полн. собр. соч. СПб.: К.Л. Пентковский, 1899. Т. 4; *он же*. Наши задачи на Тихом Океане. 4-е изд. СПб.: К.Л. Пентковский, 1901.

41. *Семёнов Ю*. Бриллианты для диктатуры пролетариата; *он же*. Пароль не нужен, и др. романы. См. также: *Шаблинская О*. Мгновения Юлиана

Семенова. Кому не угодил создатель Штирлица // Аргументы и факты. 08/10/2017 // URL: http://www.aif.ru/culture/person/mgnoveniya_yuliana_semenova_komu_ne_ugodil_sozdatel_shtirlica

42. «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой». 31 мая 1924 г. // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/1154/советско-китайские_договоры_и_соглашения

43. *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае. 20–30 годы XX века. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 515 с.: ил. (Серия «Досье»).

44. Форум выпускников ЕВВАУЛ / Основной раздел / Крылья над морем / Морская авиация (ВВС) Тихоокеанского Флота // URL: http://forum.evvaul.com/index.php?topic=73.405

45. *Черняев В.* Ораниенбаумское восстание: великое и забытое // Звезда, 2017, № 2 // URL: http://magazines.russ.ru/zvezda/2017/2/oranienbaumskoe-vosstanie-velikoe-i-zabytoe.html

46. Что происходило в России около 100 лет назад // URL: https://meduza.io/live/2017/11/06/chto-proishodilo-v-rossii-rovno–100-let-nazad

47. *Энгельфельд В.В.* Очередные проблемы современного Китая // Известия юридического факультета / Высшая школа в Харбине. Харбин, 1931. Т. 9: Юбилейный, 1920–1930. С. 102–132; *он же*. Юридическое положение иностранных концессий в Китае. 1927. 33 с.; *он же*. Китайский парламент и парламентаризм // Известия юридического факультета / Высшая школа в Харбине. Харбин, 1925. Т. 1. С. 89–107; *он же*. Новые течения в науке административного права: Вводная лекция по курсу административного права в 1928/1929 учеб. году // Известия юридического факультета / Высшая школа в Харбине. Харбин, 1929. Т. 7. С. 257–286; *Ершов М.Н.* Современный Китай и европейская культура // Известия юридического факультета. Харбин, 1931. Т. 9: Юбилейный, 1920–1930. С. 133–176.

L.P. Chernikova*

Russian Sinologist Vyacheslav Pentkovsky (Penkoqi) — Lawyer and Attorney in China

ABSTRACT: The paper deals with the fate of V.I. Pentkovsky as a mirror of various aspects of the Russian population activities in the Far East at the time of the demolition of the social systems in Russia and China.

KEYWORDS: Russian oriental studies, Soviet mission in China, Chinese jurisprudence, lawyers and foreign lawyers, Soviet intelligence.

* Chernikova Larisa Petrovna, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, China Department, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; E-mail: Larisa-che@mail.ru